

- Символическая функция сознания как основа развития субъектности
- Пути ослабления предубеждений: возможности и ограничения
- Теория социально-ролевой адаптации к усыновлению Д. Кирка
- Психологические аспекты охраны и безопасности труда

УДК 159.92

Символическая функция сознания как основа развития субъектности

А. М. Поляков, кандидат психол. наук, доцент

Статья посвящена анализу понятия и структуры символической функции сознания в связи с проблемой развития субъектности личности. Представлены подходы к понятию символа в психологии. Осуществлен сравнительный анализ символа с другими идеальными формами культуры. Предложена гипотеза относительно механизма становления субъектности в онтогенезе.

The Symbolic Function of Consciousness as the Basis for Subjectiveness Development

A. Polyakov, PhD in Psychology, Associate Professor

The article is devoted to the concept and the structure of the symbolic function of consciousness correlating with the problem of the development of the person's subjectiveness. The approaches to the concept of symbol in psychology are presented. Comparative analysis of the symbol with other ideal forms of culture is done. The author presents his hypothesis of the mechanism of the development of subjectiveness in ontogenesis.

«Поистине все вещи видимые суть явленные образы невидимого».

Дионисий Ареопагит, V в. н. э.

Проблема субъекта и символическая функция сознания

Одной из центральных проблем в изучении символической функции сознания нам представляется выявление ее роли в становлении субъекта (субъектности) и развитии переживания субъектности, т. е. того, что человек сам является инициатором и организатором собственной деятельности. В психологии нет единого взгляда на эту проблему. Однако субъектности как особому способу бытия человека всегда придавалось большое значение. В самом широком смысле субъекту приписывается статус инициатора, источника собственной активности. Субъектность рассматривается как альтернатива фактору среды и генотипу [1]. Однако при более детальном анализе категории субъекта обнаруживаются расхождения во взглядах разных психологов. Так, еще в рамках психологии сознания В. Вундта активность субъекта рассматривается как нечто само собой разумеющееся, как духовное свойство человека [2]. В соответствии с таким пониманием человека психологические механизмы становления субъектности исследоваться не могли. Аналогичная ситуация сложилась и в большинстве других на-

правлений психологии, использующих или хотя бы подразумевающих идею субъектности – гуманистической традиции (А. Маслоу, К. Роджерс и др.), когнитивной психологии (Ж. Пиаже), деятельностном подходе в школе С. Л. Рубинштейна (А. В. Брушлинский и др.). Так, например, приверженцы школы С. Л. Рубинштейна полагают, что субъектность является изначально, от рождения, присущим человеческому существованию атрибутом [3, 4].

Совсем иные условия для изучения субъектности сложились в рамках культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и деятельностного подхода А. Н. Леонтьева. Последователи Л. С. Выготского трактовали субъектность не просто как качество индивида, указывающее на его активность, а как качество , осмысленной активности [5]. В частности Л. С. Выготский реализовал идею субъектности в понятии высших психических функций. В деятельностном подходе А. Н. Леонтьева она была осуществлена в представлении об осмысленности деятельности. В обоих случаях особое значение придается опосредованию деятельности человека идеальными формами культуры (знаками, символами, моделями, словами и пр.) [5, 6]. Именно благодаря освоению идеальных форм становится возможной произвольная регуляция собственных поведения и психической деятельности, т. е. человек становится культурным субъектом.

Важно, что субъектность, если ее трактовать не просто как активность, а как *осмысленную активность*, не является изначально и раз и навсегда данным человеку качеством, а проявляется лишь в тех случаях, когда его деятельность опосредуется культурными формами. В этом случае полемика о том, является ли ребенок уже изначально субъектом или становится им под влиянием социальных воздействий посредством культурных форм, лишена смысла, поскольку речь идет о разных вещах [4]. В первом случае – об активности индивида, определяемой его внутренними условиями (способностями, задатками, потребностями и пр.), во втором – о *сознательной*, осмысленной активности. В рамках последнего понимания вопрос о развитии субъектности становится не таким уж простым. Проблема осложняется тем, что переживание собственной субъектности, без которого невозможно самостоятельное осмысленное построение деятельности, формируется в определенном возрасте (известно, что изначально ребенок учится говорить о себе в третьем лице) и может утрачиваться (о чем отчетливо говорят некоторые варианты нарушений психического развития). При этом остается вопрос о том, что же порождает у ребенка переживание собственной субъектности и какую роль оно играет в процессах социализации. Очевидно, что такое переживание тесно связано с такими процессами и феноменами, как целеобразование, мотивация, уровень притязаний, локус контроля, самоконтроль и самооценка. Не является ли оно само исключительно продуктом культурных воздействий, социализации? Или же все таки выражает сущностные человеческие качества, такие, как свобода, активность, творчество, осмысленность, продуктивность и др.? Наконец, остается вопрос о соотношении и взаимосвязи источников изначально присущей ребенку активности и его осмысленной, сознательной активности. Противоречивость ответов на эти вопросы уже отмечалась в научных публикациях [3]. Так, с одной стороны, акцент делается на внутреннем источнике активности, имманентно присущем человеку (такая позиция присуща школе С. Л. Рубинштейна), а с другой – на социокультурной детерминации процессов развития (данный взгляд развивался в школе Выготского-Леонтьева-Лурии). Разрешить указанное противоречие, хотя бы отчасти, можно благодаря детальному анализу понятия символической функции сознания и процессов ее развития.

Между тем, в культурно-исторической психологии идеальные формы культуры, понимаемые как медиаторы развития личности, начиная с Л. С. Выготского, изучались преимущественно как значения (научные понятия) и знаки. Символам как особым формам культуры незаслуженно уделялось мало

внимания. Л. С. Выготский заложил представление о том, что понятийное мышление является высшей формой мышления, а развитие значений как структурных элементов сознания стало пониматься как движение от синкрета и комплекса к псевдопонятию и понятию¹ [7]. Это выражается даже в том, что функцию сознания называют «знаково-символической», не выделяя принципиальных различий в роли знаковых и символических форм [8, 9]. Такая логика понимания развития сознания и мышления отразилась на дальнейших исследованиях в этой области. Все остальные идеальные формы и знаковые средства, как-то слово, символ, миф, модель, предмет, действие, иконические средства, индексы и пр., рассматривались либо как понятия, либо как разновидности знака, т. е. анализировались в той же логике, что знак и значение (мы не рассматриваем знак как родовое понятие, включающее в себя все виды знаковых средств, а понимаем его как видовое, т. е. отличное от символов, индексов, изображений и пр.) [8, 9]. Между тем, мы полагаем, что символические формы культуры выполняют особую функцию в психической деятельности человека, по сравнению с другими формами. Согласно нашему предположению, именно освоение индивидом символов, за которое отвечает символическая функция, превращает его в сознательного субъекта собственной активности. Роль символической функции сознания в становлении сознательного субъекта мы и постараемся показать в данной статье.

Для этого нам необходимо решить две основные задачи. Во-первых, показать принципиальные различия между символами и другими формами культуры (в первую очередь, знаками). Если нам это удастся, то мы сможем говорить о символической функции сознания как особой функции, отличной от знаковой. Во-вторых, для достижения основной цели нам необходимо раскрыть механизм действия и структуру символической функции сознания, определяющих субъектность человека.

Подходы к пониманию символа в психологии

В большинстве психологических исследований, ориентированных по преимуществу на изучение когнитивного («отражательного», интеллектуального) аспекта психического, используется понимание символа как занимающего промежуточное положение между чувственным образом и значением (понятием). Символ здесь трактуется как некий наглядный образ, обладающий, также как и образы

¹ Критику такого понимания развития – от натуральных функций к научным понятиям – см. в работе А. В. Брушлинского [4].

восприятия или представления, пространственными характеристиками, но как и знак, замещающий отображаемый предмет (действие, событие, ситуацию и пр.). В отличие от знака (значения) символ не обладает условностью и произвольностью употребления, поскольку в нем внешняя форма и содержание, сам символ и то, что он обозначает, не дифференцированы. Такое понимание символа присуще большинству работ, выполненных в рамках культурно-исторической психологии Л. С. Выготского и деятельностного подхода А. Н. Леонтьева [8-11]. Данная традиция интерпретации символа как разновидности знака, на наш взгляд, была заложена еще самим Л. С. Выготским в исследовании развития понятий. Понятие как высший уровень развития значения с тех пор негласно стало служить идеалом развития сознания индивида. Другие же формы культуры и соответствующие им формы сознания были, по сути, выброшены из психологических исследований. Даже проблема смысла, к которой мы вернемся позже, долгое время рассматривалась главным образом в связи, проблемой значения (и деятельности как его основания), как составляющая последней или тождественная ей [7, 11-13]. Символические формы рассматриваются как имеющие внешнее подобие с отображаемыми объектами, в отличие от знаков, произвольно «привязанных» к ним.

Близкое к традиционному для отечественной психологии понимание символа сложилось у различных представителей когнитивного направления в зарубежной психологии. Так, в работах Ж. Пиаже мы находим понятие символа как промежуточной формы между образом-представлением и знаком, иконически отображающей замещаемый предмет [14]. Близкое понимание символа мы находим в работах Дж. Брунера и А. Валлона [15, 16].

Однако в рамках отечественной психологической традиции присутствует, хотя и не очень явно и не совсем вписываясь в марксистскую методологию, другая линия исследований. Эта линия представлена Л. С. Выготским в «Психологии искусства», где раскрывается роль идеальных форм культуры в психическом развитии человека, представленных в произведениях искусства и явно не встраивающихся в логику существования научных понятий (значений) [17]. На это обращают внимание некоторые крупные психологи [18-21].

Так, например, Л. С. Выготский, анализируя, по сути, художественные символы литературных произведений искусства, указывает на то, что они, во-первых, не отображают наподобие образа внешние черты символизируемой реальности, во-вторых, находят выражение в уникальной внешней форме, малейшее изменение которой приводит к искажению символического смысла, в-тре-

тых, выполняют интегрирующую функцию, соединяя между собой внешне противоречивые смыслы, в-четвертых, их понимание всегда привязано к определенному контексту произведения [17]. Например, обман плутовки-лисицы (сам по себе аморальный поступок) в известной басне Крылова приобретает некий позитивный смысл на фоне глупости вороны. Очевидно, что такое понимание художественного символа не совпадает с представленным в более поздних работах Л. С. Выготского пониманием знака и значения, стремящегося в противоположность смыслу символа к определенности и четкой фиксированности границ.

На важность изучения роли других культурных форм (символа, слова, мифа) в психической деятельности и развитии человека указывают В. П. Зинченко и Е. Б. Моргунов [19]. Интересно, что эта линия исследований затрагивает уже не столько когнитивную проблематику, сколько проблематику личности (личностных смыслов, нравственности личности, психотерапевтической помощи, переживания, воздействия произведений искусства и пр.). Однако даже здесь исследований проблемы воздействия символических форм культуры (в их специфическом понимании) на психическую деятельность человека нам выявить не удалось.

Особое внимание символическим формам культуры уделялось в психодинамической традиции (З. Фрейд, К. Г. Юнг, Ж. Лакан и др.). Близкое к нашему пониманию видение символа мы находим в работах К. Г. Юнга. Так, один из приверженцев теории Юнга и редактор русскоязычного издания его трудов Э. К. Метнер в предисловии к работе «Либи́до, его метаморфозы и символы» пишет: «Всякий символ соединяет в себе различные и даже противоположные значения, соответствующие противоположным влечениям и направлениям психической энергии. Символ всегда многозначен. Он является единством противоположностей, синтезом, решением противоречия, но притом решением не рациональным, а иррациональным, ибо он есть образ, а не понятие. Символ образно выражает невыразимое, неизвестное, лишь предчувствуемое, лишь предугаданное, еще не познанное». В этом видится отличие символа от аллегории, «значение которой всегда понятно и ограничено». Далее мы находим: «Символ обладает способностью выразить и соединить сознательное и бессознательное содержание, соединить чувственное и духовное, ибо он сам есть чувственный образ, имеющий духовный смысл... Символический образ не только означает, но и производит наиболее совершенное объединение всех находящихся в индивидууме противоположностей» [22, с. 14-15].

Символы рассматриваются Юнгом как непосредственное выражение энергии бессознательного, проявление архетипов в конкретных образах фантазии, сновидений, произведений искусства и пр. [22, 23]. При этом каждый архетип может проявляться в совершенно различных чувственных формах, т. е. сам по себе он эмпирически бессодержателен. Если провести аналогию между архетипом и внутренним содержанием символа, его смыслом, то мы обнаружим в этом отношении совпадение с представленным нами ниже пониманием последнего (в частности с беспредметностью символа). Общими также является произвольность порождения символов и их энергичность, активность.

Между тем, необходимо отметить некоторые отличительные особенности интерпретации символических форм культуры в рассматриваемых ниже работах и работах К. Г. Юнга. Во-первых, у представителей психодинамического направления символы рассматриваются как презентация структур бессознательного. В рассматриваемых нами работах [24-30] символы понимаются как выражение структур (опыта) сознания. Хотя этот опыт и является сверхчувственным и не может быть однозначно определен, но все же это опыт сознания. В психологическом плане это различие для нас принципиально, поскольку вообще позволяет говорить о символической функции *сознания* и раскрывает возможность изучения механизмов его работы в процессах понимания и порождения символов. Во-вторых, с этим принципиальным различием связано еще одно не менее важное – сверхличное, интересубъектное происхождение символов. Символы – это всегда формы *со-знания*. Такое понимание, кстати, соответствует и этимологии слова «символ», которое у древних греков означало подходящие друг к другу осколки одной пластинки, черепка, складывая которые, люди опознавали друг друга, будучи связанными союзом дружбы или каких-либо других нравственных обязательств. Символ – это то, что соединяет двух людей, образуя единое целое, причем, соединяет уникально, т. е. внешняя форма символа не является случайной, произвольной, не может быть механически или логически составлена из каких-либо иных частей. Хотя К. Г. Юнг и говорит о коллективном бессознательном, тем не менее, в его работах (а в работах З. Фрейда в особенности) признается возможность существования индивидуальных символов (в первую очередь, в сновидениях или фантазиях). Символ же, в нашем понимании, хотя и уникален, но всегда «разделен на двоих» (или более людей). В-третьих, поскольку архетипический образ не привязан к конкретному ситуационному и культурному контексту, символ, выражающий его, рассматривается как этически и

эстетически нейтральный [23, с. 4]. Выраженный в данной работе взгляд на символ представляет его с противоположной позиции, т. е. как имеющий нравственный и эстетический смысл. Не случайно во многих работах речь идет именно о *художественном* символе [17, 23, 24, 28]. Данное обстоятельство связано, с одной стороны, с тем, что символ выражает личность и обладает коммуникативной природой, а следовательно, универсален, и, с другой, – с тем, что он уникален по своей внешней форме, а, следовательно, связан с процессами творчества. Таким образом, несмотря на некоторое сходство понимания символа в работах К. Г. Юнга и рассматриваемой нами позиции, они имеют принципиальные различия.

Остановимся подробнее на анализе специфических особенностей символа.

Сравнительный анализ символа с другими идеальными формами культуры

Философскими основаниями для разрабатываемого нами понятия символической функции сознания послужили работы, затрагивающие проблему символа, таких крупнейших мыслителей, как П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, С. С. Аверинцев, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, С. Л. Франк [24-29], а также работы современных философов [23, 30]. В рамках указанных работ выработано особое понимание символических форм культуры и их роли в жизнедеятельности человека (хотя, безусловно, имеются и некоторые различия интерпретаций символа, обусловленные различными ракурсами видения изучаемой реальности), отличное от ставшего традиционным для отечественной психологии понимания знаково-понятийных форм. В целом, характеризуя в соответствии с данными работами символические формы культуры, следует указать на существенные для психологического анализа символической функции сознания особенности.

Так, если знак тяготеет к строгому и обобщенному определению какого-то специфического свойства вещи и идеалом означиваемого им содержания является научное понятие, то символ «в скрытой форме содержит в себе все возможные проявления вещи и создает перспективу для ее бесконечного развертывания в мысли, перехода от обобщенно-смысловой характеристики предмета к его отдельным конкретным единичностям». И далее: «Символ является, т. о., не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания» [31, с. 10]. Следовательно, если предельная задача знака – задать четкие границы некоторому предметному содержанию и сделать его произвольным, то задача

символа – указать на единство идеального содержания во всем многообразии его проявлений в предметном мире [23, 26, 30, 32]. При этом важно, что критерии такого единства не могут быть строго определены. Символ скорее намекает на некоторое иное содержание. Уместнее говорить о символа по сравнению со значением знака. Если значение всегда рационально и может быть дешифровано усилием рассудка, то символический смысл иррационален и может быть только понят в процессе переживания. Продолжая данную линию рассуждений, следует обратить внимание на самостоятельный бытийный статус символического смысла наряду со сферой значений, невыводимость первого из последней. Такая позиция не согласуется с пониманием личностного смысла А. Н. Леонтьевым, выводящим его из индивидуальной деятельности человека. Согласно А. Н. Леонтьеву, личностные смыслы окрашены пристрастностью и не имеют в отличие от значений своего «наиндивидуального», «непсихологического» существования, однако по своей природе совпадают с последними, благодаря чему и возможны взаимопереходы между ними (осмысление значений, означивание смыслов) [11, 13]². Символический смысл, в отличие от личностного (в понимании А. Н. Леонтьева), сам объективен, интересубъектен, хотя и сохраняет свою индивидуальность, но определяемую уже не индивидуальной деятельностью человека, а уникальностью смысла отношений между людьми, уникально выраженной в конкретном предметном образе [24, с. 388].

Существенны различия между знаком и символом в плане их отношения к означиваемому и символизируемому. Как отмечают многие исследователи, знаком может быть что угодно, любой предмет действительности, который указывает на другие предметы. Значение всегда раскрывается через отношения между предметами. Следовательно, значение может быть раскрыто через другие значения, знак – определен через другие знаки. Отсюда вытекает их абстрагированность от конкретно-чувственного содержания образа и произвольность в оперировании ими. Значение обособляется от знака и может быть обозначено другим знаком. Символ, напротив, представляет собой неразрывное единство внешней формы, предметного содержания чувственного образа и символизируемого. П. А. Флоренский говорит, что символ – это «часть, равная целому, причем целое не равно части... Символ есть символизируемое, воплощение есть воплощаемое, имя есть именуемое, – хотя нельзя сказать обратно, –

и символизируемое не есть символ, воплощаемое не есть воплощение, именуемое не есть имя» [28, с. 148]. Мы можем вслед за М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским сказать, что символ есть вещь, причем вещь равная тому, что она символизирует [26]. Однако то, что она символизирует, не равно ей. В этом смысле символ как вещь не указывает на другие вещи, а указывает на «иное», на некоторое идеальное содержание сознания, не сводимое к чувственной предметности и не выводимое из нее. В символе, в отличие от знака, происходит не удвоение предметной действительности, а ее самоотрицание. Содержание символа всегда есть нечто объективно не определяемое и доступное только через интерпретацию, оно всегда есть достраивание субъектом объективной действительности, которая дана ему в чувственном и практическом опыте. Через символы мы пытаемся понять и достроить, например, такие явления, как личные отношения, смерть и пр. По меткому выражению вышеупомянутых авторов, содержание символа – это «заделывание дыр бытия». Символ есть образ иного или, как пишет С. Е. Ячин, «отсутствующего», того, что само по себе не может быть предметом осознания в обычном его понимании [30]. Иными словами, содержание символа, его смысл, в предметном отношении бессодержательны. Знак – это всегда знак чего-то, он обозначает предметную действительность. Символ не символизирует нечто, он выражает беспредметную основу отношений между субъектами [24]. Если знак выделяет общее и специфическое, то символ представляет уникальное и целое. Знак фиксирует родо-видовые отношения, символ – отношения части и целого. Смысл символа не есть «что-то», он всегда есть отношение части к целому (отсюда вытекает взаимосвязь предметного выражения символа, его формы и контекста как целого). Именно эта особенность позволяет воплощаться символизируемому идеальному содержанию в различных чувственно-предметных формах и быть представленным в конкретных жизненных условиях и деятельности человека. Именно в этих предметных формах символ «живет». Через них духовная реальность, реальность идеальной формы, делается доступной нашему телу и чувственному опыту.

Поскольку мы не можем определить содержание символа, его всегда незавершенный смысл, и, следовательно, не можем управлять им, то возникает произвольность в отношении символа: если знаки мы знаем и произвольно оперируем ими, то символы мы понимаем [26]. Если знаки выступают для человека психологическими орудиями, инструментами, то в отношении символов можно сказать обратное – они определяют нас. Символы сами ак-

² Следует отметить, что такое понимание смысла преодолевается в более поздних работах отечественных психологов таких, как А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Д. А. Леонтьев и др.

тивны, обладают собственной энергией. В этом отношении указывается на телеологичность символов. Они способны порождать намерения человека, определять направление его активности [23, 25, 30].

Мы привыкли отождествлять произвольно управляемое и четко вербализуемое с сознанием. Однако специфика символизируемого содержания (его беспредметность) и произвольность в отношении символа не отменяет, а только усложняет рассмотрение его как компонента индивидуального сознания человека. Здесь возникает необходимость переосмысления сложившихся в отечественной психологии взглядов на сознание. Даже в отношении «знаковых» форм сознания указанные критерии – произвольность и вербализуемость – не всегда могут быть отождествлены с критериями «сознательности». На это обращает внимание Б. Г. Мещеряков на основании анализа различных аспектов понимания сознания и интериоризации Л. С. Выготским [33]. Так, например, наше поведение может быть опосредовано понятными нам социальными правилами, ожиданиями, но при этом мы не будем отдавать себе (или кому-то другому) отчета в этом и не будем произвольно контролировать свои действия. Это возможно либо в случаях так называемых постпроизвольных или автоматизированных действий, либо на этапе онтогенетического развития, когда ребенок еще не научился рефлексировать свое поведение, но все же следует требованиям или ожиданиям взрослого, на этапе «разделенности на двоих». В отношении же символических форм принципиально важным является осознанная дифференциация внешней формы символа, его предметного, чувственного выражения и его внутреннего содержания, его смысла [24]. Именно этот критерий позволяет рассматривать символы как формы индивидуального сознания, а не проявления бессознательного. К тому же он отличает символ от мифа, в котором внешняя форма и внутреннее содержание не разведены [24]. Поэтому миф жестко привязан к своей форме, символ же динамичен. Его динамичность обнаруживается в двух аспектах. С одной стороны, одно и то же внешнее выражение символа (например, поступок человека) способно порождать разнообразие смыслов в зависимости от контекста, в котором это происходит (например, в зависимости от исторической эпохи и межличностных отношений двух людей). Мы можем назвать эту функцию символа смыслопорождающей. С другой стороны, как уже указывалось выше, символ является как бы пустой формой, он предметно бессодержателен, в силу чего стремится выразить себя в конкретных чувственных образах. Однако в отличие от обычного предметного образа, который стремится копировать то, что он отражает,

символ не подражает символизируемому [23, с. 24]. Символ – это всегда образ, но образ, отрицающий сам себя, обращая нас к сверхчувственной реальности духа [24, 26]. Мы также уже обращали внимание на то, что внешняя форма символа уникальна и не создается произвольно (условно), а ее образование подчинено логике соответствия части и целого. Данный процесс называют символотворчеством [28, с. 121], что акцентирует продуктивную функцию символа³.

Проблема понимания символов ставит вопрос о путях, способах такого понимания. Как нам становится доступным не доступное в чувственно-практическом опыте? Один из возможных ответов, логично встраивающихся в культурно-историческую традицию, представляет символизируемое как объективно существующую, т. е. вне зависимости от конкретного человека и его понимания, идеальную форму. Последняя задает (но не дает) возможные способы интерпретации символа, хотя и жестко их не определяет, а скорее фиксирует их общий принцип. Символы являются скорее *óñēūēūē* понимания и порождения смыслов.

Понимание символа как произвольного ставит проблему субъектного отношения к нему личности. Знак (значение) отражает объект-объектные отношения, т. е. отношения между предметами, что позволяет делать предметный мир предметом преобразования. Символ раскрывает «сверхчувственную» основу вещей, не зависящую от самого субъекта, которая, однако, может быть представлена посредством большого разнообразия вещей. Данная особенность позволяет предположить творческую активность личности в создании бесконечного многообразия конкретных образов и смыслов, являющихся никогда до конца не выразимое смысловое содержание символа. Из этого вытекает возможность различных способов интерпретации символа личностью и личного отношения к нему. Если перевернуть это положение, то символ можно рассматривать как то, что выявляет и задает конкретно-чувственные формы личных отношений человека, т. е. является тем медиатором культуры, который опосредует их. Таким образом, символ диалогичен и выполняет коммуникативную функцию, связывая уникальным образом в единое целое двух или более субъектов [24].

В заключение характеристики символических форм культуры обратим внимание еще на одну существенную особенность, отличающую их от ряда других идеальных форм, таких, как знаки, образы,

³ Идея символотворчества явно присутствует в таком направлении русского и европейского искусства, как символизм, представителями которого являются А. Рембо, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов, М. Чюрленис и др.

индексы, аллегории. Если последние отличаются большей или меньшей степенью выраженности, буквальностью, точностью и однозначностью употребления, то содержание символа, в свою очередь, антиномично, т. е. включает в себя внешне противоречивые или, точнее, парадоксальные, не выводимые из логики эмпирической действительности смыслы [25, 27-29]. Содержание символа трансцендирует, перерастает его эмпирическое выражение, его чувственную основу, как бы подрывая ее изнутри. Эта идея достаточно отчетливо представлена в «Психологии искусства» Л. С. Выготского [17]. Символ как предметный образ важен не сам по себе, пусть даже, как считают некоторые авторы, отображая суть предмета или явления [23, 32], а как чудесным образом подрывающий эмпирическую действительность, нарушая ее привычную логику и выводя за ее пределы в реальность духа [26, 28-30]. Любое значение можно оценить (как хорошее или плохое, приятное или неприятное и пр.) по различным биполярным шкалам, тем самым выявляя его коннотативное значение или смысл как значение для субъекта [11, 12]. Следовательно, значение всегда тяготеет к определенной совокупности конкретных полюсов признаков (на этой идее основаны исследования значений при помощи семантического дифференциала). Символ же не поддается оценке, поскольку соединяет антиномичные содержания. Он скорее выражает нечто имеющее безусловную ценность. В силу данного обстоятельства, значения (или смыслы в традиционном «леонтьевском» понимании) можно рассматривать как частное представление символического содержания, выражающее один из его полюсов.

Действенная сила символа явно присутствует в художественных образах, когда, например, описываемые автором поступки героя произведения противоречат, бросают вызов привычной логике жизни. Именно это противоречие и создает особого рода напряжение, необходимое для переживания и понимания произведения [17]. Другим ярким примером антиномичности символических форм могут служить притчи. В притчах одновременно задается контекст ситуации и используется конкретный символический образ, отображающий ее высшую, противоестественную или сверхъестественную логику, не совпадающую с привычной логикой повседневности. Именно поэтому использование художественных символов и притч может служить хорошим материалом для эмпирических исследований символической функции сознания. Антиномичность символа позволяет говорить еще об одной функции, которую он выполняет в индивидуальном сознании. Это функция интеграции различных логически не совместимых содержаний личного опыта. Символ сам, будучи целостным и уни-

кальным, способен собрать в единое целое уникальный опыт личности и, более того, – совместить, соединить его с опытом других людей.

Обобщая сказанное выше относительно символических форм сознания, необходимо указать следующие их характеристики и функции, отличающие их от других идеальных форм:

- интерсубъектность и связанную с ней коммуникативную функцию;
- выражение отношений часть – целое и способность порождать смыслы;
- беспредметность внутреннего содержания и уникальность формы, привязанной к контексту, что создает возможность творческого порождения символических образов (символотворчества);
- произвольность в отношении символов и активность последних в отношении человека;
- антиномичность смыслового содержания и функция интеграции опыта личности.

Подводя итог проделанному анализу символа, мы можем утверждать, что объединение знаковой и символической функций в знаково-символическую и рассмотрение их в одном логическом и генетическом ряду является нецелесообразным. Символическую функцию сознания необходимо изучить отдельно и уже потом только искать точки соприкосновения и совпадения со знаковой функцией.

Далее, опираясь на результаты анализа символических форм культуры, перейдем к анализу собственно символической функции как функции психологической, т. е. функции индивидуального сознания.

Продолжение в следующем номере

Список цитированных источников

1. Слепович, Е. С. Позиционирование как механизм воображения у детей в норме и при отклонениях в психосоциальном развитии / Е. С. Слепович, А. М. Поляков // Возрастная и педагогическая психология: сб. науч. тр. – Минск, 2005. – Вып. 6.
2. Джемс, У. Психология / У. Джемс; под ред. Л. А. Петровской. – М., 1991.
3. Осницкий, А. К. Проблемы исследования субъектной активности / А. К. Осницкий // Вопр. психологии. – 1996. – № 1.
4. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / А. В. Брушлинский; под ред. А. В. Брушлинского. – М., 1997.
5. Эльконин, Б. Д. Психология развития: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Б. Д. Эльконин. – М., 2001.
6. Эльконин, Б. Д. Избранные психологические труды / Б. Д. Эльконин. – М., 1989.
7. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6-ти т. / Л. С. Выготский. – М., 1982–1984.
8. Салмина, Н. Г. Знак и символ в обучении / Н. Г. Салмина. – М., 1988.
9. Сапогова, Е. Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е. Е. Сапогова. – Тула, 1993.

10. Нарышкин, А. В. Строение образа мира человека и соотношение понятий «знак»–«символ» и «значение»– «смысл» / А. В. Нарышкин // *Вопр. психологии.* – 2005. – № 1.
11. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики: учеб. пособие / В. Ф. Петренко. – М., 1997.
12. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Смысл, 1999.
13. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 1–2.
14. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб.: Питер, 2003.
15. Брунер, Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. – М.: Прогресс, 1977.
16. Валлон, А. От действия к мысли / А. Валлон. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956.
17. Выготский, Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Издательство «Искусство», 1968.
18. Зинченко, В. П. Живое слово-понятие: рассудок и разум. / В. П. Зинченко // *Теоретические проблемы развивающегося образования: сб. ст.; науч. ред. Т. М. Савельева.* – Минск: Полибиг, 2002.
19. Зинченко, В. П. Человек развивающийся: очерки рос. психологии: учебник / В. П. Зинченко, Е. Б. Моргунов. – М.: Тривола, 1994.
20. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999.
21. Пузырей, А. А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники / А. А. Пузырей // *Вопр. методологии.* – 1997. – № 3–4.
22. Юнг, К. Г. Либи́до, его метаморфозы и символы / К. Г. Юнг. – СПб.: Восточно-Европейский Институт Психологического анализа, 1994.
23. Абдуллин, А. Р. Культура и символ / А. Р. Абдуллин. – Уфа: Гилем, 1997.
24. Аверинцев, С. С. Символ художественный / С. С. Аверинцев // *Собр. соч. / София-Логос. Словарь / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова.* – К.: Дух і Літера, 2006.
25. Лосев, А. Ф. Из ранних произведений / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во «Правда», 1990.
26. Мамардашвили, М. К. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
27. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М.: АСТ, 2003.
28. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М.: Правда, 1990.
29. Франк, С. Л. С нами Бог / С. Л. Франк; сост. и предисл. А. С. Филоненко. – М.: АСТ, 2003.
30. Ячин, С. Е. Слово и феномен / С. Е. Ячин. – М.: Смысл, 2006.
31. Символ // *Философская энциклопедия* // гл. ред. Ф. В. Константинов. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970.
32. Уваров, Л. В. Символизация в познании / Л. В. Уваров. – Минск: Наука и техника, 1971.
33. Мещеряков, Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского: систематика форм поведения и законы развития высших психических функций / Б. Г. Мещеряков // *Вопр. психологии.* – 1999. – № 4.

Дата поступления статьи в редакцию: 7.09.2007 г.